

В Приказе Дяньчжун на мгновение воцарилась тишина. На лице отца мелькнула тень разочарования, но он всё же улыбнулся: «Внучка — тоже хорошо. Объявить повсюду: старшая дочь наследного принца, чей облик — золото, а суть — яшма, унаследовала благонравие от матери. Пожаловать титул княжны Юншоу с доходом с двухсот дворов, устроить по всей Поднебесной трёхдневный пир, каждой придворной даме даровать по куску шёлка, работы приостановить на три дня. Внук Вэй, продолжающий славные традиции предков, подобный благоухающим орхидее и цветущему дереву, пожаловать титулом князя Исина с доходом с двухсот дворов».

Отец, очевидно, всё заранее обдумал, даже торжественные слова для указа подготовил. Наследный принц первым вышел вперёд, чтобы поблагодарить от имени детей. Мы вместе с ним совершили поклон, а затем поздравили и самого наследного принца. Отец и матушка с улыбкой наблюдали, как мы обмениваемся церемониями. Потом матушка, словно случайно вспомнив, спросила князя У: «У Седьмого Ланга ведь ещё нет официального имени?»

Князь У поспешно ответил: «Нет, только детское — Хэнну».

Матушка кивнула и, указав на агукающего младенца, сказала отцу: «Саньлан, мне этот ребёнок очень понравился. Позволь мне дать ему взрослое имя, хорошо?»

Отец с улыбкой поддразнил её: «Боюсь, ты дашь имя только ему, а внучке не уделишь внимания, и Эрлан в душе вознегодует. Коль уж задумала, назови и внучку заодно».

Матушка слегка задумалась: «Она — старшая дочь Шэна, пусть зовётся Сюэр. А Седьмого Ланга назовём Цяньли. Когда подрастёт, непременно станет тысячеликим жеребцом нашего дома».

Отец рассмеялся: «Имена ты всегда выбираешь удачные». Затем повернулся к наследному принцу и князю У: «Что ж вы не благодарите матушку?»

Они оба снова подошли и выразили благодарность, и мы снова совершили поклоны. Отец был в прекрасном расположении духа, велел созвать всех родичей и устроить обильное пиршество. Когда вино было подано, он сам вышел вперёд и пустился в пляс. В середине танца поманил матушку. Та с лёгким неудовольствием промолвила: «Мы уже старики со старухой». Но, сказав это, всё же поднялась, слегка прошлась по залу, взяла отца за руку и вернулась на трон.

Ли Жуй издали подмигнул мне, и мы оба, опередив князя У, вышли вперёд и хором произнесли: «Чжину / Сыцзы желает воспеть песнь и станцевать танец в честь долголетия гэгэ и няннан. Да продлятся ваши годы вовеки, да пребудет ваше великое счастье! Да ниспошлют духи благословение наследному принцу, да снизойдёт на него стократное счастье! Да пребудет Сыгэ в здравии и благоденствии, да станет он вечной опорой государства!»

Сказав это, мы обменялись парой слов с начальником Приказа Тайчан. Тут же вошли музыканты, зазвучали барабаны и музыка — началось представление нового танца «Музыка Священного Наследия», который мы поставили специально к приезду князя У.

Эта идея пришла мне в голову. Я подумала: на пирах все наперебой стремятся показать свои танцы, так мы не выделемся. Лучше поставить что-то новое. К счастью, Дугу Шао и Цуй Миндэ хорошо разбирались в музыке и танцах, особенно Цуй Миндэ, которая также была сведуща в ритуалах Чжоу. Я упростила их помочь, и вместе с сотней девушек из Управления музыки и танцев мы сочинили эту постановку. Содержание танца было весьма простым: история из «Шицзина», главы «Сы ци», о добродетельных матерях дома Чжоу — Тайцзян, Тайжэнь и Тайсы, которые родили многочисленное потомство, умело его воспитали, были благонравны и

добродетельны, способствуя процветанию священного наследия. Вторая часть танца, с мужчиной в главной роли, повествовала о добродетелях Сына Неба. Смысл же был прекрасен: и пожелание процветания потомкам, и восхваление святости и добродетелей, и мысль о семейной гармонии — как нельзя лучше подходило к сегодняшнему дню.

Я никогда раньше не танцевала перед столькими людьми и поначалу волновалась. Окинув взглядом зал, я заметила Вэй Хуань, одетую как танцовщица из Управления музыки и танцев. Она пряталась за музыкантами и, встретившись со мной взглядом, кивнула, затем легким движением руки повторила ключевые движения, напоминая мне о них. Раньше, во время репетиций, она всегда стояла в стороне, казалось, совершенно безучастной, и я не думала, что она всё запомнила. Оказалось, она тайно помогала мне отсюда. Сердце моё наполнилось сладостным чувством, и я невольно улыбнулась ей. Вся робость мгновенно улетучилась. Я встала напротив Ли Жую, и мы замерли в ожидании смены такта музыки. Под нежные звуки я сопровождала движения Ли Жую, изображавшего пахоту, рубку деревьев и созидание. В танце я полностью отдалась ему и не обращала внимания на окружающих. Когда танец закончился, я обернулась, чтобы найти Вэй Хуань, и увидела, как её глаза сверкают. Она кивнула мне, затем, подумав, беззвучно произнесла: «Хорошо». Одно это выражение заставило моё сердце трепетать. Подходя к родителям для благодарности, я была рассеянна и лишь слышала, как Ли Жуй льстит и заискивает перед ними, вызывая их смех.

Ли Жуй, видимо, хотел, чтобы и я отличилась, и взглянул на меня, подёргав губами. Но, видя, что обычно благосклонная ко мне матушка не обращает на меня внимания, я лишь улыбалась в ответ ему и не стремилась выказать своё рвение. Действительно, внимание матери было приковано к Ли Жую, она принялась его нахваливать, и многие из родичей — дяди, тётки — присоединились к этим восхвалениям. Лишь принцесса Яньань, казалось, была недовольна тем, что мы, брат и сестра, танцевали вместе. Но поскольку Ли Жуй теперь был её зятем, она не стала высказываться. Она лишь бросила на меня взгляд издалека. Я, заметив это краем глаза, опустила голову и уставилась на кончики своих туфель.

Ли Жуй же оказался благородным малым. Получив похвалу от отца, он поспешил похвалить и меня: «Танец и музыку сочинили Сыцзы с помощью Цуй Мин-дэ и Дугу Шао. Многие из её людей приложили большие усилия, это не только наша с ней заслуга».

Отец, пребывая в отличном настроении, тут же изрёк: «Тогда всех наградить». Велел пожаловать каждой по сотне кусков шёлка, а также пригласить Цуй Мин-дэ и Вэй Хуань за пиршественный стол, где им тоже раздали дары, как наследному принцу, князю У, Ли Жую, мне и прочим родичам.

Князь У, очевидно, тоже подготовился, но мы его опередили. Тогда он велел своим старшим сыну и дочери выйти вперёд с танцем долголетия. Детский танец получился занятным и принёс им дополнительные награды. Затем принцесса Яньань с супругом, наследный князь Ци с княгиней, У Саньсы с женой, У Ицзун с женой — все поочерёдно выходили с танцами. Пир длился с полудня до глубокой ночи. Отец, снисходя к тому, что внуки издалека и устали, велел отправить всех младших по покоям, но оставил дядёв, братьев и нескольких сыновей в зале продолжать пиршество. Матушка, до этого почти не говорившая со мной, теперь обняла меня за плечи и сказала: «Мужчины собрались веселиться, нам же, женщинам, тут только мешаться. Пойдёмте, развлечёмся сами». Взяв меня за руку, она вышла. Я заметила, что она слегка под хмельком, и поспешила поддержать её с двух сторон. Матушка отмахнулась и сама дошла до своих покоев, сняла украшения, переоделась в домашнее платье и, распустив волосы, полулегла на ложе. Видя, что она не прочь поболтать, я не решилась сразу идти умываться, а взяла у Ваньэр чашу с отваром от хмеля и поднесла матушке. Та лежала с закрытыми глазами, но, когда я приблизилась, открыла их, посмотрела на меня и улыбнулась: «Танец сегодня —

твоя затея?»

Я ответила: «Идея была Жуя, я лишь порекомендовала ему Цуй Мин-дэ и Дугу Шао. Вэй Хуань и придворная музыкантша Чжан Сынян тоже много помогли».

Матушка усмехнулась, поманила меня к себе и, когда я подошла, слегка потрепала по щеке: «Ступай, переоденься, а потом возвращайся. Переночуешь сегодня у матери». Затем позвала служанок, чтобы те отвели меня, сняли украшения, умыли и переодели в её старое платье. Когда я вышла, то увидела, что матушка сидит на ложе, а Ваньэр — на табурете у жаровни, и они играют в шуанлю.

Увидев меня, матушка бросила фишку и сказала с улыбкой: «Иди сюда. Я много выпила, голова не соображает. Посиди, посмотри».

Я рассмеялась: «Анян, нехорошо! Сама напилась, боишься проиграть деньги, вот и зовёшь меня. А я ведь тоже немало выпила, вдруг просчитаюсь и проиграю — что тогда?»

Матушка и вправду была в прекраснейшем расположении духа: «Знаю, знаю, ты у нас убытку не потерпишь. Жетоны я уже приготовила. Играй смело. Проиграешь — на мне, выиграешь — всё твоё, ладно?»

Пока она говорила, Туаньэр, поняв намёк, уже поднесла ларец с золотыми монетами и роздала мне и Ваньэр, каждой штук по сто. Матушка улыбнулась: «Ну что, теперь и Ваньэр не в обиде?» Затем велела принести ещё свечей, чтобы зал стал совсем светлым. Сама уселась сбоку, а нас обеих усадила на ложе. Ваньэр сначала не решалась взойти, но, увидев, что я села, осторожно присела напротив, примостившись на краешке.

Матушка очень любила шуанлю и с детства учила меня, так что я кое-что в этой игре смыслю. Ваньэр же была неискушена и после нескольких ходов проиграла большую часть монет. Я с ухмылкой сказала: «Анян, разве ты приготовила только столько жетонов? Если так пойдёт, наставнице Ваньэр скоро нечем будет играть».

Матушка всё это время наблюдала за нами и шутила с окружающими, поручив Туаньэр считать очки. Теперь она наклонилась, внимательно изучила положение на доске и рассмеялась: «Играй дальше, про запас ещё много».

<http://bllate.org/book/16278/1466584>